

О. Яницкий

Размышления о взаимодействии социологии и исторической науки

Постановка вопроса

Уважаемые коллеги, меня беспокоит увеличивающийся *разрыв между двумя важнейшими дисциплинами: социологией и исторической наукой*. Объем социологической продукции растет на глазах, но ее использование в осмыслении российской истории пока ничтожно мало. Интересуясь в последнее время мнениями и оценками российских и зарубежных историков о состоянии и перспективах российского общества и государства, я с удивлением обнаружил, что результаты социологических исследований практически не используются в историческом анализе (я не имею в виду литературу по истории социологии и учебную литературу – там специфические задачи).

Судите сами. Я взял десять книг ведущих российских и зарубежных историков, исследующих динамику новейшей российской истории и ее связь с историей советского периода и более далекой. В книгах А. Ахиезера, Вл. Булдакова, А. Багатурова, В. Кантора, Б. Миронова, Ю. Пивоварова, В. Федотовой, Р. Пайпса и других практически никак не используются данные социологических исследований за двадцатилетний и более отдаленный период нашей истории – ни российские, ни зарубежные. За-

тем я взял десять книг ведущих политологов России и мира: В. Иноземцева, А. Уткина, И. Берлина, З. Бжезинского, Т. Грэма, М. Хардта и А. Негри, Л. Шевцовой и других – здесь дело обстоит лучше, но ненамного. Правда, статусные ссылки попадают. Но если в западной социологии каждая “гранд-теория” имеет, говоря словами В. Ядова, персональное лицо, то российские историки и политологи таких лиц не различают: ссылки даются в “обезличенном” виде, например, что ВЦИОМ в таком-то году показал, что такая-то группа населения сказала то и т. д.

Если отбросить дипломатические реверансы, то получается, что гигантская машина массовых эмпирических исследований обслуживает только потребности политического рынка – государственного или корпоративного. Иначе говоря, социологи – сами по себе, историки – сами по себе. Если сказать еще жестче, социология рискует оказаться вне круга наук, осмысливающих исторический процесс. Я отнюдь не призываю к смешению всех гуманитарных наук, хотя процесс их взаимопроникновения идет довольно стремительно, но отсутствие мостов между социологией и исторической наукой – факт, на мой взгляд, тревожный. Получается, что если социологи пишут российскую

* Выступление на Харчевских чтениях, октябрь 2007 г.

историю, то будет одна картина, если истории – совсем другая? Попробуем посмотреть на причины такого дистанцирования.

Одна из них, по моему мнению, заключена в том, что никакая последовательность замеров (“срезов”) российской действительности, получаемых в результате массовых опросов, не дает картины социальной динамики или, употребляя термин Н.Д. Кондратьева, “длинных волн” эволюции российского социума. Почему это происходит?

Во-первых, потому, что эти “замеры” сделаны без соотнесения с историческим и культурным контекстом, динамикой которого – или, напротив, причинами его резистентности – как раз и озабочены историки, пишущие о России. Простой пример: молодежь 20 лет назад и сегодняшняя, как показали сотрудники Института социологии, – это совсем разные люди с разной ментальностью. Или: большой город тогда и сегодня – это совершенно разные экономические, культурные, институциональные и все другие среды.

Во-вторых, потому, что в большинстве массовых опросов нет главного: ключевых акторов истории – элит всех уровней, силовых структур, теневых и криминальных лидеров. Они существуют, но если и высказываются, то очень неохотно и дипломатично.

В-третьих, в такого рода исследованиях чрезвычайно трудно уловить коренные исторические сдвиги: модернизации и демодернизации, соотношения сил государства и гражданского общества, движения в сторону европейской культуры или возрождения архаики и права сильного. И отечественные, и западные историки, основываясь на знании культуры и социальных институтов России, говорят о предстоящих трудностях, нарастающем кризисе, о риске выпадения России из европейской цивилизации. Социологи редко обсуждают такие ключевые для судьбы страны вопросы.

Наконец, еще один недостаток: столичная социология продолжает довлеть. Может быть, только несколько социологических журналов стараются охватить все постсоветское пространство. В результате региональные журналы

все чаще обсуждают свои региональные проблемы без оглядки на “центр”. Откройте, например, журнал “Эксперт Сибири” – и вы увидите, что там, за Уралом, актуальны совсем другие сюжеты и делаются совсем иные акценты, чем в столице. Сегодня государство наконец озабочилось судьбой Сибири и Дальнего Востока, этого ключевого для существования России макро-региона, точнее, совокупности регионов, столь разных по своим природным условиям, уровню развития, ментальности жителей и геополитическому положению. Как будем действовать дальше: будем его “обживать”, как предлагают А.И. Солженицын, региональные эксперты и ваш покорный слуга, или же “осваивать”, то есть попросту говоря, колонизировать вахтовым методом, как предлагают наши либералы от экономики и политики? На мой взгляд, отечественная социология пока что ответа на этот вопрос не имеет.

Итак, два вывода: российская социология представляет собой сообщество, обособленное от исторической науки, и, следовательно, новейшая история страны и текущие социологические исследования почти не стыкуются. Где же выход?

Мосты и связи

Если приглядеться к исследовательскому инструментарию двух наук, то мосты между ними все же обнаруживаются. Назову некоторые из них. Во-первых, это исследовательский ход “через знаковые фигуры”, то есть использование мнений и оценок, даваемых экспертами, политиками в отставке (они более откровенны), сторонними наблюдателями (послами, разведчиками, путешественниками) и вообще – много знающими и широко мыслящими людьми, прежде всего журналистами высокого класса. Оценок, касающихся в первую очередь политики и ее носителей – политической и военной элиты. Здесь прежде всего цитируются социологи, занимающиеся элитой, — О.В. Крыштановская и другие. Но и теоретики-социологи в последнее время апеллируют к мнению выдающихся российских историков и историсоффов

Н.А. Бердяева, В.О. Ключевского, В.С. Соловьева, Г.П. Федотова, С.Л. Франка.

Далее, это метод включенного наблюдения. Например, в 1990-х годах, когда Россия стала “открытой”, то есть по милости наших “демократов” превратилась в проходной двор, ко мне в руки попал любопытный документ. Один иностранец, хорошо знающий русский, просто курсировал в поезде Владивосток–Москва и записывал разговоры пассажиров. Этот текст давал гораздо более полное представление о ситуации в стране и настроениях ее граждан, чем иной массовый опрос. Дешево и сердито! Впрочем, чему удивляться: А.П. Чехов ездил на Сахалин, а И.А. Бунин вообще объехал почти полмира.

В-третьих, это общая для российской исторической и культурологической мысли традиция опоры на мнения и оценки великих русских писателей – М.А. Булгакова, И.А. Бунина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Платонова. Это вполне естественно, так как в России художественная литература XIX–XX веков была этически и граждански ориентирована. Сыграло роль и то обстоятельство, что в отличие от трудов социологов и историков художественная литература была не только гораздо более доступна и понятна широкому читателю (она в то время была средством массовой коммуникации), но и играла ключевую роль в просвещении и образовании, выполняемых тремя центральными институтами социализации: семьей, школой и вузом. С моей точки зрения, прогностическая сила некоторых художественных произведений (вероятно, ввиду меньшей политической ангажированности их авторов) была на несколько порядков выше, чем у профессиональных прогнозистов и политиков.

Очень важный “мост” – это изучение политических и социальных институтов. Историки традиционно глубоко вовлечены в исследования динамики ключевых институтов: форм собственности, эволюции властных структур, и прежде всего – российского государства и его ветвей и т. д. К сожалению, я пока не знаю ни одного социологического исследования, в котором были бы изучены институциональные и человеческие последствия недавних изменений

в жилищном, земельном, водном или лесном кодексе. А ведь это – ключевые ресурсы жизни народа, причем катастрофические последствия некоторых статей из названных кодексов уже налицо. Есть лишь одно исследование последствий введения градостроительного кодекса, но и то носящее лишь экспертный характер (В. Глазычев). Силовое предпринимательство – да, изучалось (В. Радаев, В. Волков), но институт “права по понятиям” или “силового права” – практически никогда.

Не менее, а может быть, еще более важный “мост” между рассматриваемыми дисциплинами – это изучение общественных (социальных) движений. Я не берусь даже просто перечислить фигуры мировой социологии, которые считали их движущей силой мировой истории. Тут можно называть имена от К. Маркса до Ч. Тилли, А. Турэна, М. Кастельса и еще многих других. В российской социологии эта тематика, кроме, может быть, экологического и женского движений, малопопулярна. Тем не менее общественные движения – жилищное, самоуправление, весь спектр национальных и национально-освободительных движений, равно как и радикальных – в той или иной форме существуют, действуют, собирают под свои знамена людей, и не признавать их, не изучать – значит оказать плохую услугу и обществу, и нашей науке.

Однако если в программах международных и европейских конференций и конгрессов эта тематика всегда присутствует, уже много лет существуют международные сети социологов, изучающих социальные движения, то о России этого сказать нельзя. Социология политических процессов и организаций есть, а социологии социальных движений практически нет. Между тем такие движения способны в корне изменить структуру и характер всей социальной динамики – что и произошло в годы перестройки. Одни называли этот процесс великой либеральной, другие – великой криминальной революцией. Кстати, в западной социологии революции числятся по разряду социальных движений (К. Маркс, Ч. Тилли и др.).

Наконец, еще о двух линиях связи между социологией и исторической наукой – линиях

существующих, но в социологии отодвинутых на второй план. Одна – это метод “изучения случая”, прекрасно известный социологам, но очень редко ввиду его трудоемкости и длительности используемый в полном объеме. Глубоко ошибочно мнение, что, изучая “случай”, мы получаем лишь единичное знание, на котором нельзя построить даже теории среднего уровня. Историки, помещая некоторое “событие” в центр своего интереса (называя его просто “событием” или обозначая его через ключевую фигуру, знаковое движение или даже не называя никак), идут от него кругами вширь и вглубь, связывая воедино как эволюцию институтов, так и динамику человеческих сообществ и отдельных личностей (а затем ищут в архивах недостающие или пропущенные звенья). Метод “изучения случая” есть один из инвариантов *storytelling*, то есть истории развития конкретного конфликта в конкретных обстоятельствах места и времени. Вот почему хроника событий, связывающая все переплетение сугубо местных и транслокальных событий во временную цепь, – важнейший момент этой методики. Или, с гносеологической точки зрения, процесс “вырастания” типичного из локального.

Другая, тесно связанная с первой, линия – это “хроники событий”. Речь отнюдь не идет о хронологиях, к которым мы привыкли еще со школы, хотя они также имеют важное значение для изучения исторического процесса. Речь в данном случае идет о распространившемся со второй половины прошлого века методе хроник, получившем наименование “устной истории” (*oral history*), который вскорости нашел признание и в нашей стране. Метод личных свидетельств – и у нас, и во всем мире – внес огромный вклад в прояснение того, “как это было на самом деле”. Конечно, речь всегда идет об интерпретациях, но это – важнейший “мост” между историческим и социологическим исследованием, ориентированный на познание человеческой истории через изучение мнений и поступков рядовых граждан (*a history of everyday life*). Такие свидетельства, подкрепленные данными из разных источников, в том числе архивными материалами (письмами, дневниковыми

записями, копиями случайно сохранившихся протоколов собраний, резолюций или допросов), часто меняли картину уже “однозначно оцененных” исторических событий.

В частности, метод, позволяющий связать прошлое и настоящее, текущее, – это детализированные хроники созревания и течения социального конфликта. Практически вся наша жизнь является цепью конфликтов или, если угодно, возникновений и разрешения проблем между человеком и обществом, обществом и государством, государством и его окружением. Сегодня мы наблюдаем растущий по значимости конфликт между обществом и природой. Если удастся хронологически отследить и зафиксировать такое “течение”, то и социолог, и историк обретают ценнейший материал для интерпретации социальной динамики в соединении ее макро-, мега- и микропроцессов.

Исследователь, получая “линию”, русло течения конфликта, одновременно получает возможность отследить все его ответвления и побочные эффекты, многие из которых позже становятся главными. Он выявляет достаточно полный состав участников процесса, их отношения и связи, культурную и иную обусловленность принимаемых ими решений, проводит мониторинг их реализации и многое другое. Мой многолетний опыт изучения “случаев” через их подробные детализированные хроники показывает, что течение социальных конфликтов редко бывает линейным, это скорее колебательный процесс, состоящий из множества поступательных и возвратных движений. О чем, собственно говоря, писали и пишут русские и современные российские историки (С.М. Соловьев, М.В. Довнар-Запольский, А.С. Ахиезер, В.К. Кантор и многие другие).

Метод построения хроник натолкнул меня – сначала эмпирически, а потом уже и на теоретическом уровне – на мысль о близости исследования и расследования. В самом деле, что есть историческое исследование, ведущееся при помощи изучения архивных документов, как не *расследование*, приближающееся по своему характеру к процессуальным методам гражданского или уголовного следствия, только “рас-

спрашиваются” не живые фигуранты, а их показания, свидетельства потерпевших, просьбы и доносы. Но если взять социальную журналистику, журналистское расследование (по общему признанию, самый опасный вид этой деятельности), то мы получим еще один живой “мост” между социологией и исторической наукой. Эти три названные профессии в данном случае роднит максимальное приближение к первоисточникам информации о событиях и конфликтах. Скажу еще раз: метод трудоемкий, но в результате исследователь получает развернутую во времени и в физическом и социокультурном пространстве картину этого процесса. Но хроники – это уже интерпретации. Основой всего являются архивы. Ничто так строго не охраняется государством и частными фондами и не может быть более ценным для исследователя, чем архивы. Социолог скажет: но я же не могу ждать, мне нужен ответ сейчас! На это могу ответить только одно: собирайте архивы сегодня и берегите их, потому что новейшая история столь скоротечна, что они могут понадобиться вам уже завтра.

Наконец, есть еще одна связь между социологией и исторической наукой, которая, однако,

сегодня быстро меняется. Европейская традиция Просвещения означала движение “сверху вниз”, когда наука открывала законы природы и общества, а затем просвещала народ. Такое “хождение в народ” было особенно характерно для русской науки. Этим занимались не только великие ученые, такие как Д.И. Менделеев, но и писатели, как Л.Н. Толстой.

Сегодня это “вертикальное” движение знания постепенно вытесняется “горизонтальным”, то есть интерактивным. Как писал Латур: “Наука есть определенность, исследование – неопределенность. Предполагается, что наука холодна, прямолинейна и отстранена; исследование же – теплое, вовлеченное и рискованное занятие. Наука кладет конец капризам человеческих мнений; исследование порождает контроверзы. Наука продуцирует объективность, избавляясь насколько возможно от идеологических оков, страстей и эмоций; исследование дает пищу всем им, чтобы сделать объекты исследования близкими и понятными”. Это означает, что культура исследования становится более плюралистической и открытой непрофессионалам. Иными словами, “социальное” абсорбируется “научным”. ■

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...

– По Вашему мнению, какие меры следует принять правительству, чтобы уровень рождаемости в России повышался?

– Надо беседовать с молодежью, чтобы девочки выходили замуж, а не занимались сексом. Благоустраивать дворы.

– Почему Вы считаете, что, выходя замуж, женщина обязательно должна брать фамилию мужа?

– Иметь мужскую фамилию.

– Почему Вы одобряете решение давать матери не налич-

ные деньги, а сертификат, который можно использовать только на определенные цели?

– Сертификат будет содействовать выводу ребенка в люди.

– Какие меры предосторожности Вы принимаете, чтобы избежать заражения инфекционными заболеваниями?

– Чеснок, презервативы, пью сок, стараюсь вести здоровый образ жизни.

– Какие события прошедшей недели, о которых сообщалось в средствах массовой информа-

ции, больше всего заинтересовали Вас, привлекли Ваше внимание?

– Одних голых женщин показывают, запомнить ничего не могу.

– Перечислите, пожалуйста, несколько высказываний, решений и действий В. Путина за прошедшую неделю, которые Вам запомнились и не понравились, вызвали возражения.

– Старых женщин бабками называл.

(Из опросов ФОМа)